

УДК 811.11

И.Ю. МОСКАЛЕВ
(ivan_02_05_96@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ ДОМИНАНТНЫХ ЭМОЦИЙ
В ТВОРЧЕСТВЕ СТЕФАНА ЦВЕЙГА
(на примере новелл «Письмо незнакомки», «Страх» и романа «Нетерпение сердца»)***

В ходе интерпретации произведений Стефана Цвейга устанавливаются доминирующие эмоции и эмоциональные состояния его художественных персонажей – волнение, истерика и страх.

Ключевые слова: *Стефан Цвейг, эмоция, чувство, текст, пассаж, номинант, доминанта.*

Эмоции и эмоциональная сторона речи человека всегда привлекали внимание исследователей. Актуальность темы статьи обуславливается тем, что вербальное описание психического состояния персонажей литературного произведения часто используется авторами для создания художественного эффекта. В отечественной германистике проблематика эмоций в творчестве Стефана Цвейга недостаточно изучена [4, с. 167–173; 5, с. 184–191].

Цель данной статьи – выявление доминантных эмоций и средств их вербализации в новеллах «Письмо незнакомки», «Страх» и в романе «Нетерпение сердца» австрийского писателя. К основным задачам статьи относятся: 1) изучение научной литературы, рассматривающей эмоцию как явление человеческой психики; 2) установление доминантных эмоций в романе «Нетерпение сердца», в новеллах «Письмо незнакомки» и «Страх»; 3) определение средств вербализации данных эмоций.

Предметом исследования являются средства дескрипции эмоций в текстах Стефана Цвейга. Мы используем следующие методы исследования: контекстуальный анализ, интерпретация и количественный подсчет. Научная новизна представленного материала состоит в том, что впервые определены основные эмоции и эмоциональные состояния художественных персонажей в указанных выше произведениях австрийского писателя.

Эмоции играют важнейшую роль в жизни человека. Известный отечественный психолог В.К. Виллонас отмечает, что эмоции со всей очевидностью обнаруживают свое влияние на производстве и в семье, в познании и искусстве, в педагогике и клинике, в творчестве и душевных кризисах человека [1, с. 4]. В современной психологии отсутствует единый подход к изучению, определению и трактовке эмоциональных явлений, что обусловлено большим количеством концепций и теорий, изучающих данный феномен, а также существующими терминологическими расхождениями в определении и классификации эмоций и эмоциональных состояний. Американский исследователь К. Изард называет эмоцией «нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия» [3, с. 15]. С.Л. Рубинштейн отмечает, что «чувство человека – это отношение его к миру, к тому, что он испытывает и делает, в форме непосредственного переживания» [6, с. 546]. Многие психологические теории эмоций, в частности эволюционная теория эмоций Ч. Дарвина, выделяют особую роль эмоции в ходе внутривидового и межвидового общения живых существ [2]. Предложенные выше концепции понимания природы эмоции свидетельствуют о том, что психическое явление «эмоция» определенным образом организует и мотивирует деятельность человека, отражает мировосприятие человека и является компонентом его познания, выступает специфически организованным элементом коммуникации человека в обществе и межличностном общении.

Человек в ходе взаимодействия со средой испытывает определенные чувства и эмоциональные состояния. Наиболее широкое проявление и реализацию они находят в процессе коммуникации.

* Работа выполнена под руководством Красавского Н.А. доктора филологических наук, профессора кафедры немецкого языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

В рамках лингвистического анализа текста эмоция и эмотивная сторона речи человека стали изучаться в разделе коммуникативной лингвистики. Центральное место в этом научном направлении занимают труды В.И. Шаховского. В своих работах он делает вывод о том, что: 1) эмоции человека делаются осязаемыми для «посторонних» благодаря слову; 2) слово может не только выражать эмоцию, но и само быть эмоциональным фактором, т.е. вызывать эмоцию; 3) эмоция может быть предметом оценки и, следовательно, описана словами [7, с. 25–27]. Эти выводы свидетельствуют о том, что язык и эмоция находятся в тесной взаимосвязи. С одной стороны, с помощью речи эмоции называются в непосредственном общении (например, злость, раздражение, любовь), а с другой стороны, эмоции выражаются и передаются в тексте (например, с помощью метафор, стилистически окрашенной лексики и т.д.). Экспрессия как языковая категория наиболее часто имеет место в художественной и публицистической литературе. Посредством применения экспрессивных средств авторами достигаются различные цели – создание определенного художественного эффекта в художественной литературе и оказание определенного влияния на читателя или слушателя в публицистике и СМИ [7, с. 179].

В результате количественного подсчета было выявлено около 50 случаев описания эмоций и эмоциональных состояний в романе «Нетерпение сердца». Доминирующими среди них являются волнение и истерика (индекс частотности употребления 13% у каждого номинанта эмоции), злость, испуг, стыд и страх (8%). Лексическими средствами их описания служат слова *Erregung, Hysterie, Ärger, Erschrecken, Scham, Angst*. В тексте романа также актуализированы описания чувства смятения, нетерпения и сомнения.

В качестве примера описания эмоционального состояния истерики можно рассмотреть следующий пример: *Verzeihen Sie. Josef hätte wirklich warten können, statt da hereinzupoltern. Es ist ja nichts als die tägliche Quälerei, der Masseur, der mit mir Streckübungen macht. Der reinste Unsinn, eins, zwei, eins, zwei, auf, ab, ab, auf; davon soll alles auf einmal gut werden. Die neueste Erfindung unseres Herrn Doktors und eine völlig überflüssige Sekkatur. Sinnlos wie alle andern.* «Herausfordernd sieht sie ihren Vater an, als ob sie ihn verantwortlich machte. Verlegen (er schämt sich vor mir) beugt sich der alte Mann zu ihr nieder;

Aber Kind... glaubst du wirklich, daß Doktor Condor... Doch schon hält er inne, denn um ihren Mund hat ein Zucken begonnen, die schmalen Nasenflügel erzittern. Genau so hat es damals um die Lippen gebebt, und schon ängstige ich mich vor einem neuen Ausbruch. Aber plötzlich errötet sie und murmelt nachgiebig: »Nun gut, ich geh schon, obwohl's gar keinen Sinn hat, gar keinen Sinn. Verzeihen Sie, Herr Leutnant, ich hoffe, Sie kommen bald wieder [12, с. 50]. Эдит испытывает состояние истерики и в порыве эмоций иронизирует и употребляет по отношению к своему лечению лексемы *Quälerei* (пытка), *Unsinn* (ерунда), словосочетание *überflüssige Sekkatur* (лишние мучения). Кроме того, автор отражает состояние психики героини через описание ее действий: «она вызывающе смотрит на отца, точно обвиняя его», тем самым пытается найти виноватого в своей болезни. Основным смысловым компонентом в приведенном отрывке является описание внешности Эдит с помощью кинемы «рот»: *зубы Эдит начинают дрожать*, с помощью кинемы «нос»: *тонкие ноздри раздувались*. Состояние истерики, испытываемое героиней, нестабильно и изменчиво, в связи с чем ее модель поведения резко и контрастно меняется: *но она, неожиданно покраснев, бормочет уступчиво [8].*

В новелле «Страх» было выявлено около 30 случаев описания эмоций и эмоциональных состояний. Наиболее частотной эмоцией является страх (индекс частотности употребления ее номинанта от общего количества обозначений эмоций около 30%), затем следует чувство волнения (около 15%) и состояние паники (10%). Лексическими средствами их описания служат слова *Angst, Erregung, Panik*. Приведем пример: *Ihr Mann war noch nicht zu Hause, so konnte sie sich hinwerfen auf das Sofa. Regungslos, wie von einem Hammer getroffen, blieb sie liegen, nur durch die Finger sprang ein wildes Zucken und rüttelte den Arm bis zu den Schultern hinauf, aber nichts in ihrem Körper vermochte sich zu wehren gegen diese aufstürmende Gewalt des entfesselten Grauens. Erst als sie die Stimme ihres Mannes von draußen hörte, raffte sie sich mit äußerster Anstrengung auf und schleppte sich in das andere Zimmer mit automatischen Bewegungen und entseelten Sinn – Nun saß das Grauen bei ihr im Haus und rührte sich nicht aus den Zimmern [10] (курсив наш. – И.М.).*

Фрау Вагнер Ирена в очередной раз сталкивается с шантажисткой перед ее собственным домом, которая в этот раз узнала, где она живет, и как ее зовут. С. Цвейг обезличивает шантажистку, передавая ее слова не от ее имени, а через кинему «рот»: автор употребляет эпитет *der höhnisch aufgeworfene Mund* (издевательский рот), конструкцию *mit einem leisen, kollernden Lachen* (с тихой урчащей усмешкой). В данном случае обращает на себя внимание эффективное использование С. Цвейгом метонимического переноса – *sagte dazu der höhnisch aufgeworfene Mund*, придающего художественную образность анализируемому фрагменту из произведения.

Требование шантажистки отдать ей серебряную сумочку пугает Ирену Вагнер: от испуга она посмотрела ей в глаза, но *только на одну секунду (aber nur eine Sekunde)*. Это требование шантажистки Ирена воспринимает как усмешку и издевательство над ней: автор употребляет эпитеты *frech* (грубый, наглый), *gemein* (подлый). Данная фигура речи характеризует эмоциональное отношение Ирены к поведению шантажистки. Ирена испытывает по отношению к ней отвращение, что следует из использованной метафоры для передачи ее состояния: *Wie einen brennenden Schmerz spürte sie Ekel ihren ganzen Körper durchdringen* [10] – (точно жгучая боль пронизало отвращение все ее тело). Употребление глагола *durchdringen*, эпитета *brennender Schmerz* усиливает динамику происходящего, подчеркивая внезапность происходящих с героиней событий. Она принимает решение сбежать. Автор передает мысли героини с помощью восклицательного предложения и лексического повтора: *Nun fort, fort...!* [10]. Ирена не в состоянии смотреть в лицо обидчице: она отворачивается (*abgewandt*) и все же отдает женщине драгоценную сумочку. С. Цвейг употребляет для придания скоротечности действия и описания испуга героини описательную конструкцию *mit rascher Bewegung*. Попав домой, героиня бросается (*sich hinwerfen*) на диван. Отчаяние и страх истощили ее физические и душевные силы: она неподвижно (*regungslos*) остается лежать. Автор передает чувство страха через метафорическое сравнение *wie von einem Hammer getroffen*. Глагол *treffen* имеет в качестве первого значения следующее: (*von einem Geschoss, einem Schuss, Schlag o.Ä.*) *jemanden, etwas erreichen und mit mehr oder weniger großer Wucht berühren [und dabei verletzen, beschädigen]* [9, с. 1772]. Употребляя такую лексику, автор подчеркивает глубину и внезапность возникшего у героини чувства страха и отчаяния. С. Цвейг описывает физиологическое состояние героини через оценочное словосочетание *ein wildes Zucken* (дикая дрожь), через глаголы *springen* (прыгать), *rütteln* (трястись) и переходит затем к использованию кинем: *durch die Finger sprang ein wildes Zucken und rüttelte den Arm bis zu den Schultern hinauf* [10]. Однако потрясение фрау Вагнер Ирены настолько сильно, что она не могла побороть эту дрожь: *aber nichts in ihrem Körper vermochte sich zu wehren* [10]. С. Цвейг описывает противоестественность этого состояния с помощью имени существительного *Gewalt* (насилие) и эпитетов: *diese aufstürmende Gewalt des entfesselten Grauens*. Динамика изображения передается автором с помощью причастия 1 *aufstürmend* и причастия 2 *entfesselt*. После того как муж приходит домой, героиня вынуждена скрыть свое эмоциональное состояние. Автор так описывает ее поведение: *sie raffte sich mit äußerster Anstrengung auf* [10]. С. Цвейг продолжает описывать ее физиологическое состояние: протагонист тащится в другую комнату с автоматическими движениями и омертвевшими чувствами. Автор намеренно акцентирует внимание на внутреннем потрясении и испуге героини и употребляет эпитеты: *automatische Bewegungen, entseelter Sinn*. Далее С. Цвейг переходит к приему олицетворения и описывает чувство ужаса: *Nun saß das Grauen bei ihr im Haus und rührte sich nicht aus den Zimmern* [10]. Из отрывка можно сделать вывод, что чувство страха и ужаса охватило как внешний, так и внутренний мир героини. Страх в лице шантажистки стал преследовать ее и дома, и в ее собственных мыслях. Следует отметить, что в приведенном отрывке речь идет не только о чувстве страха, но и о целой группе эмоций: помимо страха героиня испытывает смятение, отчаяние и растерянность.

В тексте новеллы «Письмо незнакомки» обнаружено около 20 эпизодов описания эмоций, среди которых доминирующими являются чувство смятения (около 40%) и чувство волнения (около 30%). Лексическими средствами их описания служат слова *Verwirrung, Erregung*.

В качестве примера чувств возбуждения и волнения можно привести следующий пассаж текста: *Ich trank und trank, sang die kitschigen Lieder mit und hatte fast den Zwang, zu tanzen oder zu jubeln. Aber*

plötzlich – mir war, als hätte etwas Kaltes oder etwas Glühendheißes sich mir jäh aufs Herz gelegt – riß es mich auf: am Nachbartisch saßest Du mit einigen Freunden und sahst mich an mit einem bewundernden und begehrenden Blick, mit jenem Blicke, der mir immer den ganzen Leib von innen aufwühlte. Zum erstenmal seit zehn Jahren sahst Du mich wieder an mit der ganzen unbewußt leidenschaftlichen Macht Deines Wesens. Ich zitterte. Fast wäre mir das erhobene Glas aus den Händen gefallen. Glücklicherweise merkten die Tischgenossen nicht meine Verwirrung: sie verlor sich in dem Dröhnen von Gelächter und Musik. Immer brennender wurde Dein Blick und tauchte mich ganz in Feuer. Ich wußte nicht: hattest Du mich endlich, endlich erkannt, oder begehrtest Du mich neu, als eine andere, als eine Fremde? Das Blut flog mir in die Wangen, zerstreut antwortete ich den Tischgenossen: Du mußt es merken, wie verwirrt ich war von Deinem Blick Ich zitterte wie im Frost, wie im Fieber, ich konnte nicht mehr Antwort geben, nicht mehr mein aufgejagtes Blut beherrschen Ich stand auf, sagte meinem Freunde, daß ich gleich zurückkäme, und ging Dir nach [11].

Незнакомка описывает в своем письме случайную встречу со своим возлюбленным. Эта встреча произвела на нее глубокое впечатление: автор описывает неожиданность этой встречи с помощью развернутой метафоры: *mir war, als hätte etwas Kaltes oder etwas Glühendheißes sich mir jäh aufs Herz gelegt* [11]. Ее возлюбленный смотрел на нее, и героиня почувствовала дрожь: автор употребляет глагол *zittern*. Героиня повествует, что из ее рук чуть ли не выпал поднятый стакан. Эту минуту автор описывает с помощью конструкции с конъюнктивом 2 – *Fast wäre mir das erhobene Glas aus den Händen gefallen* [11]. С. Цвейг использует метафору и представляет читателю «обжигающий взгляд» (*brennender Blick*) как жидкость и употребляет глагол *tauchen*, который в данном контексте реализует свое второе словарное значение *in Wasser, in eine Flüssigkeit stecken, halten, senken* [9, с. 1733]. С. Цвейг описывает воздействие его взгляда на нее с помощью глагола *aufwühlen*, который имеет одно из словарных значений «*innerlich stark erregen, erschüttern*» [9]. Незнакомка не знает, действительно ли он узнал ее спустя столько лет: это смятение автор передает с помощью устойчивого выражения *Das Blut flog mir in die Wangen*. Автор рассказывает читателю о том, что она рассеяно отвечала на вопросы своих спутников. Ее внутреннее волнение С. Цвейг мастерски сравнивает с помощью контрастных антонимичных пар существительных: *Frost/Fieber*.

Резюмируя изложенное выше, следует сказать следующее. Во-первых, сюжеты произведений Ст. Цвейга обладают высокой степенью эмоциогенности. Во-вторых, доминирующими эмоциями и эмоциональными состояниями в них являются волнение, истерика и страх. Контексты, в которых они реализованы, носят негативный характер. Доминантный статус данных психических переживаний и реакций объясняется в первую очередь самой системой мировосприятия известного австрийского писателя. Лексическими средствами описания названных эмоций служат следующие слова: *Erregung, Hysterie, Angst*.

Литература

1. Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций (вступительная статья) // Психология эмоций. Тексты. М., 1984. С. 3–28.
2. Дарвин Ч. Выражение эмоций у животных и человека. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. М., 1953.
3. Изард К. Эмоции человека. М., 1980.
4. Красавский Н.А. Концептосфера рассказа Стефана Цвейга «Звезда над лесом» // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. № 2 (106). С. 167–173.
5. Красавский Н.А. Концептосфера новеллы «Чудеса жизни» Стефана Цвейга // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. №3 (107). С. 184–191.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.
7. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
8. Цвейг С. Нетерпение сердца: [роман], пер. с нем. Н.Н. Бунина. М.: АСТ, 2015.
9. Duden: Deutsches Universalwörterbuch. Berlin. 2014.
10. Stefan Zweig. Angst. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/neun-novellen-und-erzahlungen-8338/1> (дата обращения: 30.03.2017).
11. Stefan Zweig. Brief einer Unbekannten. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/amok-6860/5> (дата обращения: 30.03.2017).
12. Stefan Zweig. Ungeduld des Herzens. Fischer Verlag, 1992.

MOSKALEV I.J.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE LEXICAL MEANS OF DESCRIBING DOMINANT EMOTIONS
IN THE WORKS OF STEFAN ZWEIG**

**(on the basis of short stories «*Brief einer unbekanntes*»,
«*Angst*» and the roman «*Ungeduld des Herzens*»)**

During the interpretation of the works of Stefan Zweig are determined the dominant emotions and emotional states of its characters – excitement, hysteria and fear.

Key words: Stefan Zweig, emotion, feeling, evaluation, nominee, dominant.